

«НОВАЯ» ПАРАДИГМА ТВОРЧЕСТВА

АЛЕКСЕНЦЕВА Н.В.

В статье уделено внимание взаимопроникновению областей культуры и отдельных искусств, которое должно обеспечивать интеграцию задач разных культурных областей в органические целостности. Взаимно проникать – означает создавать органическую общность духа в разных полях культуры, не растворяя и не смешивая их.

Ключевые слова: культура, наука, творчество, искусство.

УДК 316

Современная культура обусловлена не искусством и философией, а наукой и техникой. В противоположность науке и технике искусство и философия попали в невыгодное положение и кажутся в сравнении с ними, имеющими хозяйственное применение, несколько анахроничными. С другой стороны, в наше время ощущается большая потребность в образах искусства и ориентирах, приобретаемых в результате философских размышлений. Расширяющийся рынок искусств, массовое посещение музеев, волна спиритуалистической, в особенности магики-спиритуалистической литературы, а также мифотворческая кинопродукция подтверждают ее. Откровенно говоря, наука и техника не оказывают этической и эстетической помощи в ориентации, которая необходима для формирования эстетического и смыслового пространства нашей жизнедеятельности.

Современная культура современности делает акцент на научную культуру. В этом она следует тенденции модерна рассматривать науку и технику как независимые переменные, а искусство и культуру – как зависимые. Идея самодостаточности науки и техники уже критиковалась выше. В сциентистской традиции недооценивается художественный и фантазийный элемент всякой хорошей науки. Поскольку образовательные учреждения и некоторые небогатые идеями исследователи интересуются в основном «надежными» методами, формальными и количественными тестами и легко проверяемым знанием, творческие подходы оказываются не очень в ходу. Однако новое в науке сначала надо вообразить, точно так же как и в искусстве и экономике. Новое нельзя просто подвести под имеющееся общее понятие или испытанный метод. В той мере, в какой научные, технические, экономические и художественные – в общем, культурные – перемены ускорились, возросла и необходимость настраиваться на новые, беспрецедентные и поэтому не поддающиеся обычным методам факты и ситуации. «Методологизм» теряет свое значение, а необходимыми становятся фантазийные и художественные способы познания и созидания [1].

Решения, принимаемые в особом единичном случае, и поэтика нового и одноразового не подчиняются всеобщности и правильности функционального или методологического подхода. Их нельзя в соответствии с логикой классов просто подвести под общее понятие или схему. Изменения в современном сознании – переход от точности метода в сфере общего к творческому воображению в сфере единичного и особенного – ясно просматриваются в новой оценке творческого начала. Модным понятием в культуре и хозяйстве стала «креативность». В этом понятии вырисовывается, однако, нечто правильное, хотя это и не означает, что надо отказываться от методологии. Культура постмодерна, в отличие от рационализма и конструктивизма модерна, подчеркивает уникальность «Я», монады, и познавательных ситуаций, в которых оно оказывается.

Ускорившийся процесс изменения знаний и навыков требует подвижности мышления и представлений и вместе с тем наличия основного запаса важнейших знаний о самом элементарном – об элементарных определениях мира, о правильной жизни и способах самопознания. Научно-техническое развитие вызывает более быстрое устаревание профессиональных знаний. Отсюда вытекают две проблемы для социологии познания. Во-первых, при поверхностном подходе кажется, что вместе с ускоренным обесценением знания происходит устаревание и прямо требуемая критическим рационализмом гипотетизация этических и религиозных убеждений относительно того, что есть и что должно быть. Во-вторых, ускоренный процесс преобразования знаний ставит вопрос о том,

может ли ввиду перемен в духовном представлении о мире и обществе в сознании людей сохраниться та преемственность культурно-символических знаний и общего смысла, которая необходима для единства и солидарности общества.

При революционных изменениях специальных знаний и ускорении их устаревания старое вдруг снова становится значимым, потому что оно старое и находится по ту сторону процесса преобразования. Снова начинают читать классиков, поскольку неклассики живут все меньше. Товарные знаки и ярлыки становятся в философии, литературе и искусстве, как и на товарном рынке, тем более важными, чем больше и необозримее оказывается предложение нового. В этом смысле вновь становится убедительной «презумпция в пользу классики» (Х.-Г. Гадамер) – здоровое предубеждение в пользу классики, поскольку ускоренное изменение новых содержательных моментов в образовании приводит к тому, что здесь омертвляется слишком много ресурсов, не дающих результатов, а при переходе от одного поколения к другому содержательные моменты образования слишком быстро устаревают [2].

Формы знания, присущие искусству, религии и науке, эстетические выразительные возможности в искусствах, морально-религиозное знание и знание методов овладения и делания в науках не поддаются, вопреки критическому рационализму, сведению к общему знаменателю фальсифицируемых и временных гипотез. И вопреки другому варианту критического рационализма, эти формы знания не относятся к совершенно не связанным и несоизмеримым областям бытия, где нет моста от познания к оцениванию. Познание мира определяет наши ценностные убеждения, и наоборот, ценностные убеждения определяют наше познание. Культурное знание находится в промежутке между обратимостью гипотетического знания и неизменностью догматических. Это живое знание способной к изменению культурной самобытности.

Искусство и политика в области искусства в настоящее время должны отвечать двум потребностям – потребности в символизации и потребности во взаимном проникновении областей или полей культуры. Современность нуждается в совместном культурном знаковом языке, в котором объективный и субъективный дух, совместное и индивидуальное переживание мира и опыт экзистенции могут доводиться до сознания, выражаться, символизироваться и передаваться.

Взаимопроникновение областей культуры и отдельных искусств должно обеспечивать интеграцию задач разных культурных областей в органические целостности. Взаимно проникать означает создавать органическую общность духа в разных полях культуры, не растворяя и не смешивая их. Проникновение требует, чтобы одно было в другом и чтобы не существовал отдельный научный, экономический и художественный дух в каждой из культурных областей – в науке, экономике и искусстве. Наука, экономика и искусство должны взаимно учитывать принципы друг друга и стремиться их интегрировать в собственную постановку задач. Взаимопроникновение не означает ни приведения к тождеству, ни рядоположенности или раздельности культурных областей, – это единство духа культуры при различности его являющихся форм. Занимаясь экономикой, следует ориентироваться и на истину (научность), и на искусство; занимаясь наукой, – и на экономику, и на искусство; занимаясь искусством, следует ориентироваться и на истину, не презирая в то же время возможное применение его вне специфического художественного рынка. Предложенное Францем фон Баадером онтологическое понятие проникновения, или проживания, тела духом и гегелевское логическое понятие снятия, или единства тождества и нетождества, принцип единства противоположностей – это все принципы, на которые должны ориентироваться объединительные усилия культуры в ее полях [3].

Взаимопроникновение как принцип культуры требует, во-первых, взаимного проникновения искусств, а во-вторых, взаимопроникновения искусства, то есть культуры, и жизни. Разведение искусств по разным департаментам было связано и с разрывом между искусством и жизненной реальностью. Искусство и жизнь нельзя ни полностью соединить, ни полностью разделить. Различие искусства и жизни должно сохраняться и в то же время преодолеваться.

Взаимопроникновение культурных областей означает также слом сложившейся модели диалектики функций с анализом социального порядка и неумемной субъективности в искусстве. Расчленение общества на подсистемы и функции означает, что единственным связующим моментом для областей культуры остается голая функциональность. Но как

было показано, она не в состоянии создать конкретную форму и совместную символическую семантику искусств и общественных сфер, поскольку функциональность творчески недоопределена. Поэтому наряду с общностью функционалистского минимализма мы видим творческий произвол, дичайшие выражения субъективного формотворчества и ничем не сдерживаемые гримасы субъективности и самореализации – и это с неизбежностью и с определенным основанием, ибо кроме функции нет больше никакого совместного и обязывающего смысла. В дифференцированной и раздробленной культуре модерна функционализм и произвол, пуританский технический конструктивизм и точность как заменитель смысла в науке и технике, с одной стороны, и рьяное изобретательство и хандра субъективистского искусства, с другой, соседствуют и противостоят друг другу далеко не лучшим образом.

Взаимопроникновение и символизация культуры как руководящие принципы для политики в сфере искусства и культуры означают, что надо создавать совместный культурный контекст, который определяется не одной техникой и функциональностью, выполнением технических требований и социальных функций, а совместным символическим, т.е. образным и нарративным, смыслом.

Наука и техника сохраняются как фактические реальности. Однако они утратят свою обольстительность, когда художник поймет, что их дух подчинен духу искусства. Также и техника: чем привычнее она будет становиться, тем больше будет утрачивать свои чары, и люди поймут, что подлинное искусство в состоянии создать противовес технической специализации.

Таким образом, в новом строительстве есть исходный пункт, от которого идет дальнейший путь в направлении объективного принципа «вещественности». Ему остается только двигаться дальше по заявленному пути. Когда же оно научится так же вещественно удовлетворять высшие потребности человека, как оно – в лучших случаях – удовлетворяет низшие, материальные потребности, оно, продолжая свою собственную линию развития, снова сблизится с высоким искусством, найдет связь с естественной традицией и тем самым создаст новое пространство для развертывания всех искусств. Такая потребность уже ясно дает о себе знать в теоретическом плане. Даже со стороны бывших «авангардистов» слышится призыв к «гуманизации» зодчества. Это не должно остаться пустым лозунгом, внешним фасадом, гуманистическим «алиби».

Примечания:

1. Нойштадт Р. Современные размышления (О пользе истории для тех, кто принимает решения). М., 1999. С. 230.
2. Гадамер Г. Истина и метод. М., 1988. С. 79.
3. Баадер ф. Ф. Психология искусства. М., 1998. С. 110.

Сведения об авторе:

Алексенцева Наталья Викторовна, соискатель
Ессентукского института управления, бизнеса и
права (г. Ессентуки).

E-mail: e.a.o@bk.ru

ALEKSENTSEVA N.V.

The article is focused on culture and certain arts mutual penetration, which should provide objectives of different cultural spheres integration into organic integrity. Interpenetration is to create spiritual commonality in different fields of culture without their dissolution and mixture.

Keywords: culture, science, oeuvre, art.

UDC 316